

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

«Отелло, или Венецианский мавр»

«Мы не станем излагать содержания пьесы, всем известной; она уже двадцать лет играет на театрах обеих столиц с большим успехом и нередко. Приступая к разбору игры действующих лиц, предварительно только скажем, что пьеса и особенно характер Отеллы обезображены: сначала г. Дюсисом, а потом русским переводчиком, который придал еще пьесе напыщенный слог, всего менее ей приличный; ибо Шекспир не придворный декламатор и писал не по классическим рамкам французских трагедий. Из этого следует, что сыграть трагедию «Отелло», как она есть, на русской сцене с желаемым совершенством – невозможно...»

Сергей Тимофеевич Аксаков
«Отелло, или Венецианский
мавр»

Трагедия в пяти действиях

17 июня, 1828 года.

Мы не станем излагать содержания пиесы, всем известной; она уже двадцать лет играет-ся на театрах обеих столиц с большим успехом и нередко. Приступая к разбору игры действующих лиц, предварительно только скажем, что пиеса и особенно характер Отеллы обезображены: сначала г. Дюсисом, а потом русским переводчиком, который придал еще пиесе напыщенный слог, всего менее ей приличный; ибо Шекспир не придворный декламатор и писал не по классическим рамкам французских трагедий. Из этого следует, что сыграть трагедию «Отелло», как она есть, на русской сцене с желаемым совершенством — невозможно.

Роль Отеллы, пламенного, ревнивого до бешенства африканца, г. Мочалов играл прекрасно; характер в целом был выражен верно; нет сомнения, что, обладая сильнейшими физическими средствами, он мог бы выполнить его превосходнее; но от г. Мочалова зависит, чтобы мы никогда об этом не вспомнили. Мы видели в этой роли всех лучших

русских актеров: гг. Яковлева, Мочалова (отца) и г. Брянского. Г-н Яковлев торжествовал в Отелле, и – не совсем справедливо, несмотря на его превосходные средства для выполнения этой роли в совершенстве. Довольно сказать, что он ее *декламировал с напевом* и некоторые черты характера неверно понимал.[1]

Впрочем, ярость, бешенство он выражал несравненно. Г-н Мочалов (отец), уступая ему в целом, имел счастливейшие минуты в переходах от бешенства к глубокому чувству нежности и страстной любви. Г-н Брянский играет эту роль вообще ровнее, благороднее, или, лучше сказать, пристойнее обоих; но что за Отелло, у которого не кипит в жилах кровь, не льется пламя знойных степей африканских?

По нашему мнению, отлично были выражены г. Мочаловым следующие места: в первом действии защитительные ответы Отеллы в сенате. С каким благородством, достоинством и скромностью сказал он: «Вспомни, что ненавидимый тобою мавр спас твое отечество», и потом с каким простосердечием

произнес он: «Вот средства, вот опасное искусство, коими любовь обоих нас прельстила». Во втором действии Пезарро говорит: «Но для вельмож сих ты не что иное, как простой выслужившийся воин». Отелло возражает: «Простой выслужившийся воин! Дерзкое название сие обязывает их по крайней мере ко мне благодарностию. Так! благодаря их презрению, поддерживаемый самим собою, я достоин названия воина, вышедшего заслугами. Все сии вельможи, утвердив между собою законами права рождения, не совсем безрассудно поступили. Будучи одним знатным происхождением важны в свете, оно в глазах их все в себе заключает. Что бы осталось им, если б они не имели предков! А я, сын знойной степи, сын природы, обязанный всем самому себе и ничем гнусному обману, я шествую в мире без страха, без угрызения совести, во всей своей силе, во всей своей свободе». С какою благородною гордостью сказал г. Мочалов этот монолог, какая мимоходом сверкнула колкая насмешка в словах: *не совсем безрассудно поступили!* Последние строки возбудили в душе зрителей удивление к великому че-

ловеку – всем одному себе обязанному! Так же превосходно сказал он, при описании Пезарры действий ревности: «О, бедственное состояние!» Это был стон, вырвавшийся из сердца, предчувствующего, какою мукою ревности будет оно терзаться. В четвертом действии вопли его еще за сценою: «Измена, адский умысел!» показали нам, каким гневом кипит Отелло. Слова: «Нет, Пезарро, нет; она невинна, она непричастна злодейству. Можно ли ее винить за то, что она прелестна» и пр. были сказаны с такою истиною, верно-стью, что можно было подумать: *слава богу. Отелло образумился.* С глубоким, ужасным и холодным отчаянием произнес он: «Друг мой! минуты для меня драгоценны: я люблю республику» и пр. Сердце замирало от страха, когда Отелло, говоря с притворною холодно-стью, вдруг предался всей ярости своей: «В крови, столь гнусной, в крови, столь для меня ненавистной, я хочу видеть обоих их погруженными» и проч., но вторичный переход в бешенство, в том же монологе, после некоторого успокоения, который никем, никогда не выполнялся: «Но нет, чувствую, что моя зло-

ба, выходя из пределов, возбуждает меня ко мщению. Иду напиться кровию лютейшего врага моего...» – был выполнен удивительно и показал нам неистощимый огонь артиста. Сожаление о Брабанцио было выражено с глубоким чувством: «Брабанцио, добродетельный старец» и проч. Душа возмущалась, когда говорил Отелло: «О, почто оставил я знойные степи, почто не умер неизвестным на берегах африканских». И потом: «Друг мой! ветры, носясь с яростию над главами нашими, предвозвещают бурю; вой свирепых тигров, как бы предостерегая, в лесах раздаётся; а женщина, с спокойным вероломством лаская нас, поражает кинжалом!» В пятом действии, когда на слова Эдельмоны: «*Отелло, сколько ты переменился*», – он отвечает: «Еще, если б угодно было богу испытать меня несчастиями; еще, когда бы он поразил обнаженную главу мою всякого рода бедствиями, уничижениями; когда бы он повергнул меня во все горести нищеты; когда заключил бы меня в узы и разрушил все мои надежды, я бы нашел в удрученной душе моей несколько терпения. Но сделать меня предметом общего посмеяния; ви-

деть себя столь жестоко оскорбленным, и от кого? – от женщины, в которой полагал я все мое блаженство» и проч. В этом монологе слова: «Я бы нашел в удрученной душе моей несколько терпения» – были превосходно произнесены: мы живо почувствовали всю силу характера, которую показал бы этот человек в несчастиях другого рода! Но в четвертом действии, в двух местах, г. Мочалов превзошел все наши ожидания, превзошел самого себя; это было торжество *одного* таланта. Никакое искусство не может достигнуть такой степени совершенства, с каким он сказал по прочтении письма: «О, вероломство!..» Из глубины души растерзанной, убитой вырвались эти звуки, слабо произнесенные, но всем слышные и потрясающие сердца. Слова же: «О, крови, крови жажду я!» были произнесены в неистовстве самим Отеллою.[2]

Теперь заметим места, которые показались нам слабо или неверно выраженными. Во втором акте: «Ах! вспылчивость Брабанцио приводит меня в трепет...» было произнесено с излишним жаром и криком; также и небольшой монолог: «Как! чтобы я был рев-

нив! чтоб я поработил себя гнусному сему чувству! чтоб я стал влачить адскую жизнь горестного сего состояния!» и проч. Если б выражение, данное г. Мочаловым, было верно, как мог бы Пезарро отвечать: «Как я рад, узнав истинные твои мысли. Теперь я могу показать свободнее совершенную мою к тебе привязанность и открыть тебе, что мой долг велит». Начало четвертого акта (кроме восклицания: измена! адский умысел!) показалось нам несколько слабо.[3]

Слова: «Обмани меня, но возврати мне прежнее мое блаженство!» были холодно произнесены; а слова: «Но, может быть, она сняла ее (повязку) без всяких причин, из прихоти, приличной ее полу...» были сказаны слишком разговорно, даже близко к комическому тону. После слов раскаяния: «А я собой гнушаюсь...» не надобно становиться с такою важностию на колени, как делал это г. Брянский; но едва ли не падает Отелло к ногам Эдельмоны и у Шекспира; если и нет, то переход: «Вот грудь моя, рази, рази ее» надобно отличить явственнее, с большею чувствительностию, с противоположностию прежнему

бешенству: в Отелле и раскаяние должно быть чрезмерно. В пятом акте слова: «О, будь еще невинна, будь невинна!» были сказаны с жаром и силою, также без оттенка перехода и без глубокого чувства нежности. Впрочем, это дело сценическое; мы слышали сии выражения лучше сказанные г. же Мочаловым.[4]

Натуральность игры г. Мочалова казалась иногда впадающею в излишнюю простоту (тривиальность); но причиною сему, нам кажется, напыщенный тон других действующих лиц и слог перевода, дико и неприятно отличавшийся какою-то надутостию от простоты его игры; к тому же, когда все декламируют по нотам, странно слышать одного говорящего по-человечески. От излишних криков г. Мочалов удерживался, что в этой роли чрезвычайно трудно. Хотя с сожалением, но мы должны заметить дурные привычки г. Мочалова, как-то: ходить раскачиваясь, сгибаться, пожимать часто плечами, не удерживаться на одном месте в порывах страстей и хлопать ладонями по бедрам. Чем выше дарование, тем сильнее желание видеть его в полном блеске, и ему ли не победить таких ничтож-

ных недостатков? Безделица иногда разрушает очарование; презренная паутина мешает видеть солнце. Благородство во всех движениях есть неотъемлемое свойство лиц, им представляемых.

Г-н Третьяков, артист с истинным дарованием и, как нам известно, любящий свое искусство, в роли Пезарры был гораздо ниже своего таланта: он выражал характер неверно и увлекался общим духом декламации. Пезарро не громкими восклицаниями, не жаром выражений растравляет ревность в Отелле, но насмешливым тоном, холодностью – потому-то Отелло ему и верит. Ему приличнее всех была простота обыкновенного разговора.

Истина заставляет нас сказать, что все прочие артисты играли очень дурно. Напыщенное методическое чтение по каким-то однообразным нотам, мертвая холодность, отсутствие всякого искусства составляли характеристику игры их. Под сей несчастной методой даже нельзя узнать, имеет ли кто дарование, или нет: она, как смерть, равняет всех и потому убийственна для таланта. Должно, впрочем, сказать правду, что г-да актеры и ак-

трисы, которых мы так строго осуждаем, лет пятнадцать тому назад считались бы хорошими артистами, но теперь в трагедиях, верно, не понравились бы образованной публике ни Лапин, ни Плавильщиков, ни Шушерин, ни Дмитревский: все они (прошу заметить – только в трагедиях) не говорили, а читали, декламировали нараспев. Итак, единый способ – обратиться к натуре, истине, простоте; изучить и искусство представлять на театре людей не на ходулях, а в настоящем их виде.

Июня 19 дня.

Примечания

Вскоре после представления «Отеллы» Иван Афанасьевич Дмитревский, в одном дружеском обществе, доказал торжествующему г. Яковлеву, что он не понял роли в первом действии и в сенате представлял не великого человека, всегда благородно-скромного, но какого-то буяна (так выразился И. А. Дмитревский). Все без исключения и сам Яковлев были убеждены в истине его слов.

[^^^]

Мы говорим о спектакле удачном. К сожалению, г. Мочалов играет не всегда одинаково, и, восхищаясь им сегодня, нельзя твердо надеяться того же удовольствия в следующем представлении той же пьесы.

[^^^]

3

Впрочем, должно было сберечь себя для конца четвертого акта.

[^^^]

4

Покойный отец его один раз так произнес их, что они остались на целый век в памяти у многих.

[^^^]